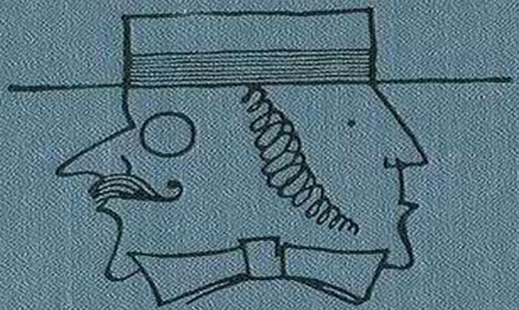
БРЕТ ГАРТ

Рыжий пёс

Брет Гарт

Аннотация
Брет Гарт
РЫЖИЙ ПЕС

Аннотация

История жизни рыжего пса из посёлка старателей по кличке Хрящ. Его долго не понимали, не воспринимали всерьёз, над ним потешались и относились пренебрежительно до тех пор, пока он влюбился в барышню, а та ответила взаимностью, и началась у пса новая, спокойная жизнь…

Брет Гарт

РЫЖИЙ ПЕС

«РЫЖИЙ ПЕС»

Я никогда не понимал, почему в западных штатах Америки считается непреложной истиной, что рыжий пес — все равно что бесстыжий, почему рыжая масть означает предел собачьей безнравственности и бездарности и позорит не только собаку, но и ее владельца. Но так уж повелось — и мы, обитатели Змеиной горы, тоже нимало в этом не сомневались. Трудней было установить, кто же хозяин рыжей собаки; пес, о котором я хочу рассказать, питал совершенно одинаковые чувства ко всем жителям нашего поселка, и никто не решался предъявить на него исключительные права; а после всякого собачьего прегрешения все и каждый с неприличной поспешностью от этого пса отрекались.

— Лопни мои глаза, он уже месяц к нашей хибаре и не подступался! — говорил кто-нибудь.

— В последний раз он выходил из твоих дверей, я сам видел! — возражал другой.

Из этого явствует, что обитатели Змеиной горы вовсе не желали отвечать за эту рыжую скотину. А между тем пес был незаурядный и притом далеко не урод; любопытно, что даже самые суровые его критики наперебой рассказывали о его смекалке, проницательности и ловкости, коим они были свидетелями.

Однажды в Медвежьем каньоне видели, как он прошел по узкой дощечке над головокружительной пропастью. У Южной развилки он свалился с тысячефутовой высоты по скату для спуска бревен — и его нашли внизу, на берегу реки, «без единой царапинки, разве только если сам себя покарябал, когда чесался». Его забыли в метель на горном уступе Сьерры, когда начались заносы, а ранней весной он явился в поселок, важный и снисходительный, как турист, переваливший через Альпы, и необычайно раздобревший — причем кормиться он мог, как полагали, одними лишь погребенными под снегом мешками с почтой. Все были убеждены, что он читает вывешенные перед выборами плакаты и потому успевает удрать из поселка дня за два до того, как к нам пожалуют кандидаты и ненавистный ему духовой оркестр. Поговаривали, что однажды, когда шла игра в покер, он запустил глаз в карты полковника Джонсона и, пролаяв сколько надо, предостерег его противника, что торговаться нельзя: на руках у Джонсона четыре короля.

Рассказы эти были не слишком достоверны, свидетельскими показаниями не подтверждались, и — такова уж слабость человеческой натуры — в ответе за них оказался сам пес: его-то

и стали считать отъявленным лжецом.

— Повадился совать нос в чужие карты да еще говоришь: я, мол, в покере мастак! Пшел отсюда, рыжий шулер! — кричали картежники, завидев злополучного пса.

— Другого такого мошенника свет не видал! — говорили про него.

— И ведь прикидывается, будто он вовсе и не в карты уставился, что твой удав, а вон на ту сойку, — мол, спустись, пожалуйста, наземь, я тебя слопаю. Экая двуличная скотина!

Как я уже говорил, он был рыжий — и стоило послушать, с каким презрением, с какой подчеркнутой брезгливостью у нас произносилось это само по себе вовсе не бранное слово!

А он был поистине рыж! Искупавшись — чаще всего поневоле, — он становился просто огненным; по спине, начинаясь между ушей и кончаясь вместе с обрубком хвоста, бежала ярко — оранжевая полоса; на боках шерсть постепенно светлела, становилась золотистой, соломенной Грудь и ноги были белые — если только не делались красно — бурыми от прогулок по помойкам, до которых он был весьма охоч. Лавочник не раз пытался изукрасить его лиловыми узорами, но тщетно: рыжий пес необычайно ловко уверты-

вался от склянки с чернилами либо, прежде чем они успевали высохнуть на его шкуре, вытирал ее о наши штаны и одеяла.

Размер и форма его хвоста (отрубленного еще до появления рыжего пса у нас на Змеиной горе) давали рудокопам неисчерпаемую тему для домыслов и толков: какой же этот пес, в сущности, породы? И как он смел, негодяй, явиться к нам в таком неприлично бесхвостом виде? Все сходились на том, что с хвостом он не мог бы выглядеть хуже, чем теперь, а стало быть, с его стороны отказ от хвоста — чистейшее нахальство!

Лучше всего в нем были глаза — ясные, золотисто — карие, как на полотнах Ван — Дейка, и к тому же искрящиеся умом; но и тут он претерпел эволюцию под влиянием среды: прежде открытый и доверчивый взор омрачила привычка остерегаться палок, камней, а то и пинка; взгляд стал бегающим, зрачки поминутно косили — не грозит ли сзади опасность?

Но ведь все эти качества еще не решали больного вопроса о его породе! По быстроте бега и по чутью его можно было считать гончей; говорят, однажды его пустили по следу дикой кошки, и он гнался за ней, по — видимому, через весь штат и вернулся две недели спустя, со стертыми ногами,

но явно очень довольный.

Однажды он увязался за партией золотоискателей, и они, веря в его охотничьи таланты, послали его отогнать от лагеря рыскавшего вокруг медведя. Через несколько минут рыжий пес возвратился… с медведем! Он гнал зверя прямиком на безоружных людей, и они едва успели разбежаться кто куда. После этого случая все поняли, что никакая он не гончая. Однако уверяли — опять-таки не ссылаясь на достаточно надежных свидетелей, — будто он умеет «поднять» куропатку; и довольно долго никто не сомневался, что он способен принести охотнику подстреленную дичь, но однажды во время охоты на диких уток он притащил стрелкам утку, по которой никто и не думал стрелять, — и им пришлось возместить убытки соседнему фермеру.

Одно время, глядя, как он с восторгом шлепает вброд по канавам, мы совсем было решили, что он водяной спаниель. Он умел плавать и иной раз вытаскивал на берег брошенные в воду палки и куски коры, — но его и самого всегда приходилось бросать за ними в реку, да и слишком он был велик, так что его слава пловца тоже скоро померкла. Он остался просто рыжим псом. Что тут еще скажешь? Настоящее его имя было Хрящ,

так его назвали из-за приверженности к этому блюду, по привычке смешивая занятие личности с ее личными качествами — примером тому служат многие фамилии старинных английских семейств.

Хрящ не выказывал особого предпочтения никому из обитателей нашего поселка, но явно питал слабость к пьяницам. Заслышав издали даже самых заурядных выпивох, он тотчас вылезал из-под дерева, где дремал в тени, или из иного убежища и радостно присоединялся к веселой компании. Он шел за гуляками по длинным, извилистым улицам, восторженным лаем встречал каждый, прямой ли, спотыкливый ли, шаг, и при этом во взгляде его вовсе не замечалось недоверия, с каким он всегда относился к людям трезвым и здравомыслящим. Даже в ответ на грубые заигрывания он и не думал рычать и огрызаться, а лицемерно притворялся, будто ему это по душе; я уверен, что он даже позволил бы привязать к своему куцему хвосту консервную банку, лишь бы привязывала ее нетвердая рука, лишь бы голос, который уговаривал бы его «лежать смирно и не кочевряжиться», звучал сипло от спиртного. Он дружески провожал пьяниц до салуна, дожидался их за дверью) высунув язык и

прямо-таки ухмыляясь от удовольствия ничуть не протестовал, когда они о него спотыкались и вприпрыжку бежал впереди, нимало не обижаясь, когда заплетающийся язык бросал вдогонку ругательства, а неверная рука — камни. А потом он провожал их до дома либо валялся с ними рядом где-нибудь на перекрестке, пока люди добрые не разводили всех по хижинам. После этого он и сам бойкой рысцой отправлялся в свой любимый уголок за печкой в салуне и всем своим чуточку смущенным видом словно говорил: да, конечно, я не был паинькой, зато повеселился вволю!

Мы так и не могли понять, чем он тут больше всего наслаждался: просто ли среди личностей физически и духовно неполноценных он чувствовал себя в безопасности, или ему приятен был откровенный порок, или в подобные минуты он злорадно упивался сознанием своего нравственного превосходства. Но большинство склонялось к мысли, что как истинно рыжий пес он питал родственные чувства ко всему низменному. В этой мысли нас утверждало и еще одно проявление его собачьей натуры — уж очень он любил притворяться и подлаживаться.

Одно время почетный пост главного пьяницы в нашем поселке занял дядюшка Билли Райли, и

Хрящ сразу же стал дарить его вниманием и заботой. Он повсюду сопровождал дядюшку Билли, сворачивался клубком у его ног или в головах (смотря по тому, как расположился в эту минуту сам Билли); больше того, скоро и в его собственных привычках и даже в его наружности стали замечаться престранные перемены. Еще недавно деятельный, неутомимый следопыт, вечно рыскавший в поисках пропитания, дерзкий и неуловимый мародер, он вдруг сделался ленив и ко всему равнодушен; суслики ныряли в свои норы под самым его носом, и он не кидался, как прежде, яростно рыть землю в надежде их оттуда выудить; белки скакали в какой-нибудь сотне ярдов от него, насмешливо помахивая хвостами, а он и ухом не вел; он уже не спешил схоронить свои любимые кости и хрящики в обычных тайниках, и они понапрасну сохли на солнцепеке.

По мере того, как наливались кровью глаза и превращалась в лохмотья одежда его нового приятеля, тускнели и его глаза, и рыжая шерсть уже не лоснилась; прежде он устремлялся прямо к цели, как стрела, а теперь на бегу как-то вилял из стороны в сторону, и нередко можно было видеть, как эта парочка взбиралась в гору бок о бок одинаково неверными шагами. Иной раз уже

по одному виду Хряща можно было безошибочно судить о «градусе» его временного хозяина, хотя сам дядюшка Билли и не показывался.

— Видно, старик нынче порядком нагрузился, — скажет, бывало, кто-нибудь, заметив, что у бредущего мимо Хряща больше обычного заплетаются лапы и выражение морды уж вовсе дурацкое.

Сперва все думали, что он и сам лакает виски, но после тщательной проверки эта теория оказалась несостоятельной, и тогда его окончательно заклеймили как подлизу и гнусного лицемера. Многие полагали, что Хрящ если и не совратил дядюшку Билли с пути истинного, то, уж конечно, «все его улещал да во всем ему потакал, вот старик и закоснел в пороке».

Без сомнения, именно поэтому их под конец насильственно разлучили, и дядюшку Билли благополучно отправили в ближайший город и препоручили заботам лекаря.

Хрящ, видно, затосковал по нему, два дня где-то пропадал — как полагают, он навестил старика, но тот уже выздоровел, возвратился на стезю добродетели и потому обошелся с четвероногим приятелем холодно и высокомерно; потрясенный Хрящ похоронил свое прошлое вместе с забыты-

ми, высохшими костями и вернулся к прежней жизни, полной приключений. Рассказывали, что однажды он, точно поводырь слепца, пытался завести в поселок вдрызг пьяного бродягу, но был застигнут на месте преступления — помешал ему сам рассказчик, чьи свидетельские показания, разумеется, остались ничем не подкрепленными.

Соблазнительно было бы на том и закончить живописный портрет рыжего грешника, но я верен истине, а потому вынужден повествовать не только о его проступках и пороках, но и о том, как он в конце концов исправился, хотя совершилось это преображение без всякого блеска и отнюдь не по его вине.

В тот день, когда он начал новую жизнь, на Змеиной горе праздновалось совсем другое событие: впервые дилижанс свернул с большой дороги к нашему поселку, где отныне ему была определена остановка. Над почтой и над салуном «Полька» реяли флаги, Хрящ удирал во всю прыть от ненавистного духового оркестра, и вот из дилижанса вышла почетная гостья — Престон, по прозванию Цветик, дочь окружного судьи, самая прелестная девушка в наших краях, в которую было безнадежно влюблено все население Змеиной горы.

— Почему он убежал? — тотчас спросила она,

с искренним изумлением округлив красивые глаза: никогда еще она не видела, чтобы кто-то от нее убегал.

— Он не любит духовую музыку, — хором объяснили мы.

— Как забавно! — удивилась девушка. — Неужели оркестр так сильно фальшивит?

Уже одной этой шутки было бы довольно, чтобы нас покорить — назавтра мы весь день ее повторяли, — но как описать наш восторг, когда Цветик вдруг одной рукой подобрала свои нарядные юбки и легкими, быстрыми шагами пустилась по рыжей пыли догонять Хряща; он глянул через плечо и остановился, с гневом и омерзением глядя на выходящего из кареты тромбониста. Цветик приблизилась к нему, и мы затаили дыхание. Увернется ли Хрящ от нее, как увертывался в подобных случаях от нас? Или все же не опозорит нас своей неучтивостью и примет ее снисходительно, как новую разновидность пьяницы? Она подошла ближе; он увидел ее; стал весь извиваться от волнения; завилял обрубком хвоста, да так быстро, что почти незаметно было, сколь многого этому хвосту недостает. Цветик вдруг остановилась перед ним, взяла в ладони рыжую голову и заглянула дивными голубы-

ми глазами в его прекрасные карие глаза. Что сказали они друг другу этим всепроникающим взглядом, никто никогда не узнал. Но они вернулись к нам вдвоем; девушка словно между прочим заметила:

— Мы ведь не боимся медных труб, правда?

И он, видимо, согласился: во всяком случае, он скрывал свое отвращение к музыкантам, пока был рядом с Цветиком, — а он почти все время был с нею рядом.

Пока произносились речи, маленькая рука в перчатке все поглаживала рыжую голову пса; потом настал черед самой торжественной церемонии-: золотым карандашиком — подарком конторы дилижансов — Цветик от имени нашего поселка подписала путевой лист Юбы Билла, и нельзя сказать, что в эту минуту восторг Хряща не знал границ, — напротив, боясь переступить эти границы, он не носился кругами, а только взвивался в воздух на одном месте.

Впервые мы, жители Змеиной горы, поняли, что Хрящ — наша гордость, и, нимало не стыдясь врать друг другу, принялись наперебой его превозносить.

А потом настала пора прощаться. Сняв шляпы, мы стояли у дверцы дилижанса, мисс Престон

уже готова была подняться на подножку, а рядом с нею Хрящ по — хозяйски заглядывал внутрь и, кажется, выбирал для себя местечко поудобнее — в углу, на коленях у судьи Престона; мисс Цветик мило помахала нам ручкой. Потом сжала ладонями рыжую голову пса и снова заглянула в его влажные глаза.

— Хорошая собака, — сказала она просто, с легким ударением на первом слове и вскочила в дилижанс.

Шестерка гнедых дружно взяла с места, великолепная зеленая с золотом карета помчалась по дороге, оставляя за собою облако рыжей пыли — и в пыли, до самой окраины поселка, огромными скачками несся вдогонку рыжий пес. Потом возвратился, притихший и отрезвевший.

После этого он дня два пропадал, но затем стало известно, что был он в Спринг Вэли — окружном городе, где жила мисс Престон, — и отлучку ему простили. Неделю спустя он снова исчез и на этот раз пропадал дольше, а потом из Сакраменто на имя жены нашего лавочника пришло трогательное послание.

«Будьте так добры, — писала мисс Цветик, — попросите кого-нибудь из ваших молодых людей приехать сюда и забрать Хряща. Он славный пес,

и я не против, пусть гуляет со мной по Спринг Вэли, там меня все знают; но здесь из-за него всем бросаешься в глаза. Слишком он необыкновенного цвета! Я просто не знаю, какое платье надеть, чтобы гармонировало с ним. К розовому муслиновому он не идет, а мое прелестное коричневое из-за него кажется гораздо бледнее. Вы же знаете, к оранжевому так трудно подобрать что-нибудь подходящее».

Все жители нашего поселка собрались держать совет и не откладывая снарядили в Сакраменто депутацию выручать бедную девушку. Все мы были страшно злы на Хряща, но вот что странно, гнев наш умеряло другое чувство: теперь мы гордились рыжим псом! Пока до него никому, кроме нас, не было дела, мы не так уж ценили его незаурядные качества; но теперь в округе все чаще говорили: «Тот рыжий пес — знаете, что из поселка Змеиная гора», — и это непонятным образом нас возвышало, словно мы обладали неким четвероногим талисманом.

Один необычайный случай подтвердил, что так оно и есть. На перекрестке дорог соорудили новую церковь, и на ее торжественное открытие прибыла из Сан — Франциско важная духовная особа, чтобы произнести первую проповедь. Был

учинен тщательный смотр всему наличному гардеробу Змеиной горы, произведен кое — какой удачный обмен — и несколько человек отрядили на воскресную службу. В белых штанах, фланелевых блузах и соломенных шляпах мы выглядели довольно живописно, и нас вполне можно было выставить в первых рядах в качестве «честных рудокопов».

Мы сидели по соседству с прехорошенькими девушками, которые охотно давали нам заглядывать в их молитвенники; вдыхали аромат свежих смолистых стружек и свежевыглаженных муслиновых платьев; а в раскрытые окна вливалось терпкое дыхание лесной чащи, и все мы, как и подобало случаю, прониклись кротостью и смирением. И вдруг кто-то испуганно прошептал:

— Вы только поглядите на Хряща!

Мы оглянулись. Хрящ вошел в церковь и сперва по вполне простительной скромности и неведению поднялся на хоры, но сразу понял свою ошибку и теперь спокойно шел вдоль перил под изумленными взглядами прихожан. Дошел до конца, чуть помедлил и беззаботно посмотрел вниз. Для собаки, выросшей в горах, прыжок в каких-нибудь пятнадцать футов — сущая безделица. Осторожно, расчетливо и в то же время с

ленцой, с небрежным изяществом, словно бы (в переводе на человеческие понятия) заложив одну лапу в карман и управляясь только тремя, он прыгнул, бесшумно опустился прямо перед алтарем, трижды повернулся вокруг своей оси и уютно улегся.

Перед высокой особой (чьи губы, как нам показалось, тронула сдержанная улыбка) мигом предстали трое церковных старост; послышался торопливый шепот:

— Это их общий…

— Здешняя достопримечательность, знаете…

— Не хотелось бы задевать чувства местных жителей…

— Ну, разумеется, — тотчас отозвался высокий гость, и богослужение продолжалось.

Всего лишь месяцем раньше мы бы отреклись от Хряща; а теперь мы глядели чуточку свысока, ясно давая понять, что всякую обиду, нанесенную Хрящу, примем за личное оскорбление и тотчас единодушно покинем храм.

Впрочем, дальше все шло хорошо до той минуты, пока священнослужитель не взял с престола большую Библию и, держа ее перед собой обеими руками, направился мимо алтаря к кафедре. Тут Хрящ явственно зарычал. Священник остано-

вился.

Мы, и только мы одни, мгновенно поняли, в чем дело. Формой и размером Библия походила на куски дерна, которыми мы обычно, развалясь на солнышке, забавы ради запускали в пса, чтобы поглядеть, как ловко он увертывается.

Мы затаили дыхание. Как тут быть? Первым нашелся наш предводитель Джеф Бриге, красавец парень с золотыми усами северного викинга и с кудрями Аполлона. Красота придавала ему уверенности, а самомнение делало его снисходительно любезным; он преспокойно встал и шагнул к алтарю.

— На вашем месте я бы малость обождал, сэр, — молвил он почтительно. — Сейчас он тихо — мирно выйдет отсюда, вот увидите.

— А в чем дело? — не без тревоги спросил священник.

— Он думает, сэр, вы вроде нас — ни с того ни с сего возьмете да и кинете в него книгой.

Лицо у священника стало озадаченное, но он не двигался и так и стоял с Библией в руках. Хрящ поднялся, прошел с десяток шагов по приделу, потом сорвался и исчез — будто рыжая молния мелькнула!

Упрочив таким образом свою славу, Хрящ

скрылся на целую неделю. К концу недели мы получили учтивое послание от судьи Престона; собака совсем прижилась у него в доме, писал он; понятно, он не просит нас окончательно отказаться от наших общих хозяйских прав на столь ценное животное, но, может быть, мы разрешим оставить его в Спринг Вэли на неопределенный срок; и сам судья и его дочь, с которой Хряща соединяют узы старой дружбы, будут рады, если мы в любое время навестим своего любимца и сами убедимся, что ему живется недурно.

Боюсь, что столь искусно закинутая приманка и заставила нас в конце концов уступить. Правда, те, кто навещал Хряща, рассказывали чудеса; слушая их, мы только диву давались. Пес живет в роскоши, валяется на коврах гостиной и даже укладывается под письменным столом в кабинете у самого судьи, ночью спит на коврике за дверью спальни мисс Престон, днем полеживает на лужайке перед домом и от нечего делать ляскает зубами на мух.

— Он как был рыжий, так и остался, — рассказывал один из очевидцев. — А все равно его не узнать, даже не верится, как это мы швыряли в него для потехи дерном да грязью да глядели, как он отряхивается.

А теперь я вынужден поведать горькую истину, хоть и знаю, что мне не поверят — уж конечно, на меня ополчатся все любители собак и яростно залают все собаки, хранящие верность хозяевам со времен Улисса. Бесстыжий рыжий пес не только забыл нас, он просто не пожелал больше с нами знаться! Тех, кто являлся в дом судьи в городской одежде, он, бывало, еще соизволит заметить, да и то фыркает, будто презирает самое их существо, скрытое нарядной оболочкой. А остальных даже взглядом не удостаивал. Когда-то, в редкие минуты нежности, мы дружески называли его Хрящиком — теперь он и на это не откликался. Думаю, кое — кого из молодых это обижало, и, однако, по необъяснимой слабости человеческой натуры, вся Змеиная гора стала относиться к нему куда уважительней. Впрочем, как раз когда он вовсе перестал обращать на нас внимание, в разговорах с посторонними мы начали отзываться о нем весьма бесцеремонно. Увы, мы даже всячески старались подчеркнуть, что он разжирел, стал неуклюж и неповоротлив: тем самым мы намекали, что выбор его был ошибочен и жизнь не удалась.

Год спустя он помер, в ореоле святости и благопристойности: утром его нашли на коврике за

дверью мисс Престон, свернувшегося в клубок и уже окоченевшего. Нас об этом известили, и, так как наш поселок в ту пору процветал, мы попросили разрешения воздвигнуть на могиле надгробный камень. Но, когда понадобилось сочинить надпись, мы только и додумались повторить те два слова, которые когда-то шепнула мисс Цветик и которые, вне всякого сомнения, обратили рыжего пса на путь истинный:

«Хорошая собака!»